

А. А. Гусейнов¹

НАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Данные тезисы представляют собой предварительные, лишенные строгости размышления, цель которых — рассмотреть вопрос о возможности интерпретации национальной проблематики и ее теоретических обобщений в этико-нормативном аспекте.

1. В литературе среди множества взглядов на нацию выделяются два подхода к ее пониманию, которые условно можно назвать реалистским и номиналистским, имея в виду употребление этих понятий в рамках старого философского спора о природе общих понятий. Согласно первому из них (реалистскому) нация представляет собой историческую общность людей, которой предшествуют род, племя, народ и которая характеризуется совокупностью признаков: единством территории, языка, экономики, культуры, психологического склада, самосознания. Эти признаки находят обобщенное выражение в стремлении нации к государственно-политической самостоятельности. Самоопределение, суверенность — своего рода телос нации. Современные государства суть национальные государства: их основой, общественным базисом являются не сословные различия, а исторически сложившееся национальное единство. Постсословные государства являются демократическими, но они демократические именно в качестве национальных, они обретают свою легитимность не в божественной санкции, а в общей воле. Второй подход — номиналистский — сводит нацию к союзу граждан, рассматривает государство не как выражение и кульминацию национально-культурного развития, а как определяющую и даже учреждающую основу нации. Понятие нации отождествляется с политическим сообществом и отрывается от этнокультурной основы, которая при первом подходе имеет решающее значение. Оно оказывается номинальным обозначением одной из многих групп, куда входят люди, в частности той из них, куда они входят в качестве граждан.

Эти подходы и заключенные в них понятия нации чаще всего фигурируют под названиями культурной нации и гражданской нации. Они акцентируют внимание на разных сторонах и стадиях жизни нации и в принципе могли бы дополнять друг друга. Но в качестве за-

конченных концепций они альтернативны. Концепции культурной нации и гражданской нации различаются между собой по целому ряду критериев: первая рассматривает нацию как категорию философии истории, вторая — как категорию политической социологии; первая считает, что нации создают государства и допускают возможность многонациональных государств, вторая считает, что государства создают нации и потому само понятие многонационального государства является противоречием определения; первая нацеливает на культурную гомогенность государства, вторая признает и санкционирует культурное многообразие. Есть еще один признак, которому, на мой взгляд, в научной литературе уделяется недостаточное внимание, но который очень важен для понимания сути национальной проблематики и мог бы стать важным аргументом в спорах вокруг нее, но в особенности важен для осмысления ее необычайной злободневности в наши дни. Он касается того, какую роль играет национальная принадлежность в нравственном самосознании личности или, говоря по-другому, как национальная идентичность человека соотносится с другими формами его идентичности.

2. Разные концепции наций предполагают и формируют разный характер отношения личности к ней, они заключают в себе, если можно так выразиться, разные антропологии.

Теория культурной нации исходит из того, что национальная принадлежность является бытийной характеристикой человека. Подобно тому как индивид не может выпрыгнуть из физических параметров, указывающих на время и место его существования в мире, так он в своем общественном бытии не может не входить в состав какой-то нации. Индивида вне нации не существует. В этом смысле нация не является предметом выбора. Конечно, национальная принадлежность — не природная, а общественная характеристика человека, она опосредуется опытом сознательной жизнедеятельности индивидов. Более того, она включает в себя необходимость принятия индивидами своей национальной идентичности и выработки отношения к ней, которое, разумеется, может протекать и протекает у разных индивидов с разной степенью осознанности и акцентированности. Однако каким бы внутренне свободным, критическим и даже отстраненным ни было отношение индивидов к факту своей национальной принадлежности, оно всегда является вторичным и никак не может изменить самого этого факта. Даже тогда, например, когда кто-то находит национальную форму бытия ограниченной, хочет преодолеть ее и стать космополитом, он не может сделать этого, начиная с того, что он должен мыслить и говорить об этом на определенном на-

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журналов «Философский журнал», «Общественные науки» (на английском языке), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

циональном языке. И, услышав о ком-то, что он космополит, логично и естественно поинтересоваться, космополитом какого национального разлива он является. Надо думать, русский космополит будет отличаться от космополита китайского или арабского. Космополитизм вполне может быть выражением национального начала; во всеединстве Владимира Соловьева больше русскости, чем в претендующей на то же самое этнической ограниченности какого-нибудь квасного русского неоязычника наших дней. Если дать волю воображению и предположить, что все объявившие, считающие себя космополитами индивиды из разных уголков мира собрались вместе на каком-нибудь острове для того, чтобы культивировать новую вненациональную форму общезития, то и в этом случае они не смогли бы осуществить свой замысел и сами со временем стали бы особой нацией космополитов. Словом, следуя логике концепции культурной нации, индивиды свою национальную принадлежность не выбирают, они ее приобретают до того, как научаются выбирать.

Из теории гражданской нации вытекает противоположный вывод — она отождествляет национальную принадлежность человека с его гражданством и относит ее тем самым к таким характеристикам человека, которые могут быть изменены актом сознательного выбора. Конечно, гражданство человека тоже предзадается фактом рождения в определенном государстве (или этнической принадлежностью в случаях государств, где она потенциально означает право на гражданство), но, во-первых, ее можно поменять и, во-вторых, может поменяться само государство, как это совсем недавно произошло, например, с Советским государством. По крайней мере в принципиальном плане индивид в том, что касается его национально-государственного статуса, сохраняет свободу выбора. Он как бы сам причисляет себя к определенной нации, является в плане национальной принадлежности тем, кем себя считает.

3. Вопрос, конечно, не в том, что и как называть, закрепить ли термин «нация» за этно-культурной составляющей человека или за его принадлежностью к определенному политическому сообществу. Традиция употребления термина «нация» действительно является различной в разных языках и странах, что само, в свою очередь, может рассматриваться как следствие и доказательство реальных национальных различий. Признавая исключительную важность усилий по уточнению и прояснению термина «нация», следует признать, что они не могут сводиться к тому, чтобы развеять разные значения и закрепить за ним какое-то одно. Речь должна идти о содержательном анализе, призванном определить действительное место этого понятия в системе жизни человека и общества. С этой точки зрения важно рассмотреть, каково место национальной составляющей в идеологии и в системе ценностей индивида, его идентичностей. Оставим в стороне вопрос о национализме как идеологии, заметив лишь, что в общественном сознании советского периода, когда нация понималась как историко-культурная общность людей, национализм рассматривался преимущественно в негативном аспекте, а в настоящее время в рамках интерпретации нации как согражданства ему придается во

многом позитивный смысл, совпадающий с гражданской лояльностью и патриотизмом. Рассмотрим проблему национальной идентичности в рамках индивидуально-ответственного существования человека.

4. При рассмотрении места и роли нации в жизненном мире индивида, даже более конкретно: в его самосознании существенными представляются по крайней мере следующие три момента. Во-первых, индивид всегда имеет определенную и ясную позицию по вопросу о своей национальной принадлежности. Во всяком случае иметь такую позицию входит в норму его общественного существования. В отличие от вопроса: «Кто мы?», ответ на который может оставаться неопределенным и неоднозначным, как это, например, происходит сегодня при обозначении общероссийской идентичности, вопрос: «Кто я?» такой размытости не допускает. На него нельзя не иметь определенного ответа. Во-вторых, самосознание личности непременно включает в себя сознание этнокультурной идентичности, в том числе в тех случаях, когда последнюю в силу традиции словоупотребления не принято обозначать как национальную. В-третьих, национальная идентичность не просто осознается личностью, а входит в ее «я-сознание». Она в рамках личностного самосознания является более интимной и ранимой структурой, чем такие формы идентичности, как социальная, профессиональная, территориальная и др. Особое место и роль национальной идентичности определяются тем, что она, как правило, прямо замкнута на чувство нравственного достоинства. В отличие от гражданства, которое удостоверяется внешним образом и всегда предполагает ряд фиксированных прав и обязанностей, национальная идентичность представляет собой ментальный и душевный строй индивида, она входит в его неотчуждаемое личностное ядро.

5. Общественное бытие индивидов имеет национальную форму: индивиды формируются в качестве личностей в определенной национальной среде и, что особенно важно, национальная мотивация входит в смысловую основу их жизнедеятельности. Человек национален не только в своем этосе, привычных формах мышления и поведения, но и в своих убеждениях. Это является следствием и индикатором того, что нация представляет собой также качественно новую стадию духовного развития общества, ее в известном смысле можно считать пострелигиозной формой духовной жизни. Европейский опыт Нового времени, с теми или иными особенностями подтверждаемый опытом вхождения в современность других культурных регионов, говорит о том, что национальные различия людей сильнее их религиозного единства и что именно национальные границы оказываются современными границами их духовного сплочения и общественной солидарности. Национальная мотивация поведения часто соединяется с религиозной мотивацией; значительно усиливаясь благодаря такому союзу, она сама приобретает в определенной мере культовый, вероучительный характер. Представление о национальных святынях вошло в язык и культуру, как и представление о религиозных святынях.

6. Особая роль национальной идентичности в жизни индивидов, ее глубокая личностная укорененность, трепетный, нравственно охраняемый статус в системе ценностей накладывают определенные обязательства и ограничения на общественный дискурс по национальной тематике.

Общее правило должно состоять в том, чтобы о нациях говорить как если бы речь шла о живых людях, имея в виду, что речь идет прежде всего о сфере ценностей, о предмете, прямо затрагивающем достоинство конкретных индивидов. На первом плане здесь должны быть соображения не истины, а такта, учтивости, уважения. В данном отношении часто более важно, не что говорится, а кто говорит, в какой связи. И, самое важное, насколько сама речь приемлема, может быть принята, одобрена теми, на кого она направлена. Когда на сегодняшнем фоне постоянных конфликтов на так называемой национальной почве вспоминают о советском опыте сравнительно гармоничного общения людей разных национальностей, обычно ссылаются на то, что тогда вообще не интересовались национальным происхождением человека, не было принято, даже считалось неудобным спрашивать об этом. Это действительно было так и совсем не потому, что недооценивался национальный аспект жизни. Люди не акцентировали на этом внимание по причине, очень похожей на ту, в силу которой они не выносят на публичное обсуждение глубоко личные, интимные проблемы и стороны своей жизни. В данном случае действует логика, в силу которой святое является сокровенным и имя Бога не следует произносить всуе. Сдержанность — очень важное требование в том, что касается публичного разговора о национальных проблемах, в особенности применительно к конкретным нациям, людям, ситуациям. Это — тот предмет, о котором надо больше молчать, чем говорить.

Недопустимо увязывать конкретные действия конкретных людей с их национальной идентичностью. Это неверно по существу и разрушительно для человеческого общения. Считать, что какое-то действие индиви-

дом совершено в силу (по причине) его национальной принадлежности, — значит снимать с него персональную вину, если речь идет о чем-то плохом, или отнимать личную заслугу, если речь идет о чем-то хорошем. Это означает, кроме того, незаслуженно хвалить и незаслуженно порицать всех других представителей той же национальности.

Национальная идентичность действительно представляет собой глубоко укорененную, интимную структуру личности, но именно это как раз означает, что ее нельзя отрывать от индивида, что последний вовсе не является экземпляром национальной серии людей, сам ответствен за свои действия в сугубо личном качестве. Когда какой-то конкретный дагестанец совершает преступление, то он совершает это не потому, что он дагестанец, точно так же, как тогда, когда какой-то человеческий индивид совершает преступление, то он совершает это не потому, что он человек.

В публичном разговоре на национальную тему очень важны аксиологические акценты, правильные векторы порицаний и восхвалений. Ориентиром здесь может быть нравственная модель межличностных отношений, суть которой состоит в том, что судить надо себя, а не других. Это модель исходит из убеждения, что все люди равны в моральном достоинстве, хотя, разумеется, они различаются между собой (и порой очень сильно) по моральным качествам. То же самое можно сказать о равенстве людей в их национальном достоинстве. Нации различны, но равноценны, ни одна не лучше и не хуже другой, и каждая имеет свои достоинства и недостатки, своих героев и преступников. Из признания этого следует, что отношение людей к собственной нации может и, как правило, должно быть критическим, а отношение к другим нациям, напротив, — акцентированно позитивным. Норма, критерий здоровья нации выдержан в той же личностной логике: судить себя, а не других. Излишне говорить, что на деле мы, как правило, наблюдаем нечто противоположное.